ИЗЪ ДНЕВНИКА РОТНАГО КОМАНДИРА И. И. ГЛАДИЛОВА.

1841 годъ. Генварь 5-го. Воскресенiе.

Говорили, что Полторацкой *) любитъ дать балъ, и у него всегда роскошные балы. Незамѣтно... А по моему онъ, должно быть, скупъ: когда подносили Шампанское, то онъ слѣдилъ за подносомъ и кричалъ на человѣка, чтобы наливалъ осторожнѣе, не разливалъ по полу, и такъ громко и грозно, что невольно обратилъ на себя невыгодное вниманiе. Еще не понравилась его выходка: танцовали мазурку, фигура была на половинѣ круга и еще недокончена парами, какъ его превосходительство соизволилъ закричать, махая руками: Будетъ, будетъ! Музыканты продолжали играть. Онъ сильно закричалъ на нихъ: Дураки, ослѣпли! И когда музыка кончилась, то онъ вышелъ на средину залы и кланяясь сказалъ: прошу къ столу. Ужинъ—какъ и всѣ ужины у хлѣбосольнаго деревенскаго помѣщика. Прiборы были на маленькихъ столикахъ, и на каждомъ по бутылкѣ сотерну и медоку и по графину воды. Блюдъ было около пяти съ порядочнымъ десертомъ, какой можно встрѣтить на каждомъ званомъ ужинѣ, какъ я сказалъ, у помѣщика, но не у такого вельможи губернiи. А впрочемъ, я поужиналъ довольно сытно; съ Рамихомъ чуть ли не осушили мы обѣихъ бутылокъ вина.

*

11-е Генваря. Суббота.

Въ 12½ часовъ я, Рамихъ, Лебедевъ, сѣли въ сани и пустились въ Мышкинъ. Въ 2½ часа мы были уже тамъ; заѣхали къ Кондратову, тамъ нашли многихъ нашихъ офицеровъ, тоже для собранiя пріѣхавшихъ. Послѣ обѣда играли многiе въ карты, я проигралъ въ половинѣ съ Кондратьевымъ только 5 р.; въ 9 часовъ поѣхали въ собранiе. Подъѣзжая къ дому, первое убранство: домъ иллюминованъ; въ нижнемъ этажѣ большiе огни; наружность незавидная. У оконъ толпы народа; уже танцуютъ. Входимъ, насъ встрѣчаетъ ветеранъ въ сюр-

*) Тверской помѣщикъ и въ 1830—1842 годахъ Ярославскiй губернаторъ Константинъ Марковичъ Полторацкiй (1784—1858). П. Б.

тукѣ, кажется гвардеецъ, съ тремя нашивками и булавой выточеной изъ дерева, за неимѣніемъ металлической; выклеена золотой бумагой или вызолочена Суздальскимъ золотомъ (все равно, это, близко одно къ другому). Полицейскій солдатъ взялъ у насъ шинели, и я съ нимъ дѣлалъ договоръ, чтобы онъ не затерялъ ихъ. Входъ 50 к. серебромъ, билетъ отдавать швейцару при входѣ. Можно бы было пройти и не чрезъ заставу собранія прямо изъ буфета, только заплативши деньги, что̀ и говорили члены; но, давши слово исполнять всѣ уложенія, я вручилъ почтенному ветерану, временному швейцару, пришедшему изъ казначейства, мой билетъ. Въ залѣ танцовали Французскій кадриль; да по движеніямъ и по мелькающимъ тѣнямъ, отъ издаваемаго плошками свѣта, видно, что танцуютъ; музыка издавала свои звуки изъ какой-то боковой комнаты въ дверь, болѣе похожую на большую щель. Оркестръ состоялъ изъ двухъ скрипокъ, контрабаса, кларнета. Неужли не было освѣщенія? спросятъ меня. О нѣтъ, было, и еще горѣло много свѣчъ, но такъ высоко подняты подъ потолокъ, что только одному расписанному потолку давали прекрасный видъ, а у дамъ только и освѣщало цвѣтники, бывшіе на головахъ; здѣсь, видно, многіе умѣютъ дѣлать цвѣты, потому что на головахъ большіе пуки цвѣтовъ. И точно такъ было темно, что почти едва отыщешь даму, которую ангажировалъ, или отъ того, что всѣ онѣ на одно лицо. Я спросилъ одну даму, для чего распорядились такъ высоко поднять свѣчи?—А что-же? отвѣчала она довольно простодушно: теперь не всѣ недостатки видны. Я замолчалъ и только подумалъ, какъ же этого я самъ прежде не догадался, видя такую пестроту нарядовъ и такую неуклюжесть лицъ и талій. Зала очень маленькая, около 3 или 4 саженей, въ ширину 2. Низкій потолокъ; черезчуръ много старухъ, которыя помѣстились кругъ стѣнъ; очень много танцующихъ, которые болѣе ходятъ или стоятъ, все это сбилось въ одну залу и дало форму какой-то сжатости. А отчего былъ тогда дымъ въ залѣ? Не понимаю. Другія комнаты очень маленькія, освѣщенныя лампами, которыя отъ нерадѣнія собранныхъ отовсюду слугъ воняли. Въ комнатахъ очень жарко. Въ буфетѣ накурено, что̀ немного заглушаетъ дурной запахъ лампъ. Веселятся всѣ до упада, просто, безъ всякихъ натяжекъ; всѣ другъ другу знакомые, всѣ городскіе; за то ужъ тутъ всѣ: и секретарши, и повытчицы, и..... , и важныя смотрительши, засѣдательши съ своими дочками, племянницами; тутъ и дѣти, большія и маленькія включительно до 7 лѣтъ. Кавалеры все офицеры, и офицеры Углицкіе, пріѣзжіе. Кто же у нихъ танцуетъ, когда насъ не было? Юнкера, всѣ старики, которые теперь усѣлись за карты, и мальчики. Дамъ и кавалеровъ было много; жаль, что нельзя было составить большого кадриля. Мно-

гіе сидѣли. Болховской отрекомендовалъ мнѣ свою жену, и я взялъ ее на кадриль. Что̀ за манера, что̀ за слухъ! Она весь кадриль протанцовала въ непростительный нетактъ, безъ умолку говорила со мною по-французски, я смиренно отвѣчалъ ей по-русски. Ай да Мышкинъ, хвала тебѣ! Что̀ сказать о нарядахъ? Обыкновенно, какъ могутъ одѣваться секретарши, повытчицы и прочія. Особенный покрой, особенныя моды; я всматривался и не могъ ничего постигнуть. Нѣкоторыя платья отличались, но ихъ было около 3 или не болѣе 5-ти. Одно было платье бѣлое, обшитое красненькими шнурочками, съ красненькимъ пояскомъ съ кисточками. Головные уборы очень порядочные; жаль только, что много цвѣтовъ употребляютъ; одна дама надѣла мармотку изъ-подъ шляпки, а сколько бархоточекъ, сколько тоненькихъ цѣпочекъ на головахъ, съ украшеніемъ и безъ украшеній. Мнѣ говорили, что Углицкое собраніе только тѣмъ можетъ брать преимущество, что тамъ гораздо болѣе дамъ и музыка лучше; что̀ касается до общества, до нарядовъ дамъ, то мы не видимъ разницы.—Очень жаль, сказала мнѣ одна почтенная дама, очень жаль, что вы не сдѣлали намъ чести быть на праздникахъ: общество было гораздо болѣе, многіе разъѣхались. Я ужаснулся и поблагодарилъ Бога, что эта чаша меня миновала. Когда теперь негдѣ пройти, что же было тогда?

Общность Мышкинскаго собранія, можно сказать, очень хорошая; общество не виновато, что нѣтъ до́ма, но они хотятъ веселиться и доставляютъ намъ удовольствіе. Что же касается до вниманія старшинъ и членовъ къ порядку, то это дѣлаетъ имъ честь. Если нѣтъ красавицъ, то винить кого? Не было хорошаго тона семействъ: они уѣхали на покой, потому и встрѣчались смѣшныя моды. Любезность дамъ, ихъ неизысканность, неутрировка заставляютъ забыть недостатки. Дай Богъ намъ стоять на подобныхъ квартирахъ долѣе.

Здѣсь я въ первой разъ танцовалъ съ Бандышевыми. Что̀ за бѣдовая вторая; руку жметъ, жми ей, ничего: она любитъ. У меня лопнула перчатка отъ ея силы, а она жаловалась на мою. Постараюсь на слѣдующій разъ быть любезнѣе съ нею... Чортъ возьми, что̀ значитъ женщина! Кажется не хороша собою, знаю, что она для всѣхъ одно и тоже, а какъ-то пріятно ея пожатіе, вольное съ нею обращеніе; пріятно поврать.

Въ 3 часа сѣли мы ужинать, 9 человѣкъ офицеровъ и 3 штатскихъ. Буфетчикъ никакъ не ожидалъ, что такъ много будутъ ужинать; онъ каждое собраніе готовитъ на 4-хъ человѣкъ ужинъ, и всегда остается. Не ожидая такъ много ужинающихъ, столъ былъ очень

дурной. Рамихъ предложилъ тостъ за Мышкинское общество; потомъ каждый изъ насъ вивать своей ротѣ и баталіону, и статскіе за свое здоровье, наконецъ тостъ за Царя. Двое статскихъ, одинъ кривоногій, съ усердіемъ плясали подъ «барыню» [1]). Выпито 13 бутылокъ Шампанскаго. Въ 5-ть часовъ пріѣхали съ собранія, въ 7 сѣли въ сани и пустились обратно въ Угличъ.

*

3 Маія. Суббота.

Нынче насъ офицеровъ потребовалъ полковой командиръ осмотрѣть форму и, какъ водится, отказалъ, препоруча баталіоннымъ командирамъ; а тѣ ровно ничего не сказали, и мы остались ни съ чѣмъ, только что перемѣняемъ петлицы. Нынче приказано 9-й ротѣ перейти ко мнѣ въ село. Говорятъ, что во Вторникъ идти въ караулъ; это ужасно: мои квартиры 15 верстъ отъ заставы, а есть и далѣе роты. Еще ничего навѣрное не знаемъ, что̀ будетъ такое. Я не ѣздилъ въ Москву, а говорятъ, вездѣ огромныя приготовленія, по всей Тверской улицѣ дѣлаютъ мѣста, на всякомъ удобномъ мѣстѣ, гдѣ будетъ въѣздъ церемоніальный Наслѣдника [2]). Слухъ носится, что онъ 12 числа пріѣдетъ въ Петровскій дворецъ, а 14-го будетъ въѣздъ.

*

7-е Маія. Среда.

Понедѣльникъ прошелъ безъ всякихъ происшествій. Ученіе было поутру баталіонное; страшно видѣть солдатъ: до того опустились за походъ; бѣда, если не поправятся. Впрочемъ «разбудятъ»; большая горячка съ рекрутами въ обмундировкѣ.

Вторникъ, въ 10 часовъ пошли караулы изъ с. Спасскаго. Доро́гой мочилъ маленькій дождь, а когда мы пришли къ Тверской заставѣ, то уже грянулъ большой; но мы спаслись въ трактирѣ, гдѣ порядочно закусивъ, въ 2½ часа вступили въ караулъ въ Тверской казенный домъ. Что за приготовленія по Москвѣ! Гдѣ только есть мѣстечко, тамъ дѣлаютъ мѣста для зрителей. Домъ главнокомандующаго и Тверскую гауптвахту съ площадію иллюминуютъ; говорятъ, готовится большая иллюминація на Лобномъ мѣстѣ и въ Александровскомъ саду. Говорятъ, вчера разводъ отъ перваго баталіона былъ дуренъ. Въ 11 часовъ нынче пріѣхалъ Квицинскій къ караулу; солдаты выбѣжали, но засуетясь, перемѣшались такъ, что огни были невѣрно разсчитаны. Онъ немножко пугнулъ, впрочемъ обошелся довольно снисходительно.

*

[1]) Старинная залихватская пѣсня: Ай, барыня-барыня, сударыня-барыня. П. Б.

[2]) Первый послѣ женитьбы пріѣздъ въ Москву. П. Б.

10 Маія. Суббота.

Вчера, въ 10 часовъ вечера пріѣхалъ Веффель изъ штаба и привезъ приказаніе, чтобы въ 2 часа выступать на ученіе къ Петровскому дворцу. Это 11 или 12 верстъ. Рекруть, какъ водится, ругали. Въ 11 часовъ я легъ спать; меня будили два раза: то приказаніе, то принесли письмо съ почты; наконецъ въ 1 часъ я всталъ, отпустилъ роту, напился чаю, отправился на Ходынку. На мѣсто пришли въ 4½ часовъ, въ 5½ надѣли люди ранцы, и въ 7 часовъ пріѣхалъ только бригадный командиръ, началъ дѣлать нелѣпое линейное ученіе съ порохомъ, потомъ церемоніалъ. Въ 9½ часовъ насъ привели къ Тверской заставѣ, гдѣ ожидалъ начальникъ дивизіи всю дивизію; сняли ранцы и дали съ часъ людямъ отдохнуть. Въ это время бригадный командиръ собралъ насъ въ кружокъ и началъ читать прокламацію, поругалъ порядочно, а въ особенности субалтернъ-офицеровъ; ужасно напалъ на подполковника Семенова, что онъ разговаривалъ, когда командовали «смирно», съ полковникомъ Щепинымъ; поставилъ на видъ, что онъ уѣхалъ въ гошпиталь и разъѣзжалъ по Москвѣ, наконецъ приказалъ посадить на гауптвахту въ городѣ. Генералъ говорилъ много правды, что субальтернъ-офицеры не занимаются своими взводами во фронтѣ, чрезъ что у насъ люди спятъ. Сдѣлавши наставленіе, онъ сказалъ, что корпусный командиръ недоволенъ нами, потому что люди дурны. Послѣ чего началъ насъ водить уже дивизіонный командиръ церемоніальнымъ маршемъ. Это было 11 часовъ. Жаръ нестерпимый. Въ 12 часовъ отпустили домой. Почти отъ самой Тверской заставы до Тушина валился или приваливался народъ; рота налегла, далѣе половины дороги привалила и пришла въ 5 часовъ. Люди пришли всѣ, слава Богу; одинъ былъ усталый, но и тотъ ожилъ; не знаю, что будетъ завтра, покажутся ли больные.

*

12-е Маія. Понедѣльникъ.

Нынче въ 2 часа утра вышли съ квартиръ для репетиціи парада, которую дѣлалъ корпусной командиръ. Въ 8 часовъ онъ пріѣхалъ, а въ 10 распустили. Недовольно была удачна репетиція. Нынче пріѣхалъ Государь въ Москву, завтра назначено ученіе баталіонное.

*

13-е Маія. Вторникъ.

Какъ чудесно соврали приказаніе: велѣно чуть свѣтъ быть ротному командиру въ полковомъ штабу. Въ 4½ часа я былъ уже въ штабу, тамъ все спало; наконецъ, въ 6 часовъ явился къ полковнику,

онъ очень удивился такому приказанію, и вышло, наврали: насъ вовсе не требовали. Нынче готовимся къ завтрашнему церемоніалу по 16 рядовъ; идутъ всѣ кашевары и хлѣбопеки и часть рекрутъ

*

14 Маія. Среда.

Въ 4½ часа я вышелъ съ квартиръ для парада или встрѣчи Наслѣдника. Полкъ собирался во Всесвятской рощѣ; когда моя рота пришла, то уже всѣ роты были на мѣстѣ. Вышло оттого, что опять переврано приказаніе: намъ назначили часомъ позже. Сейчасъ же перемѣнили мундиры, потому что шли въ старыхъ; не надѣвая бѣлыхъ брюкъ на солдатъ, отправились подъ Тверскую заставу. Я думалъ, что прикажутъ одѣваться гдѣ-нибудь въ захолустьѣ: не тутъ-то было, насъ привели къ самой заставѣ, и велѣно надѣвать панталоны; первый и четвертый—баталіонъ, кажется, зашли налѣво въ улицу, а намъ пришлось хоть на дорогѣ, однако мы вошли во дворъ трактира и тамъ уже одѣвались. Распоряженіе было сдѣлано слѣдующее: въ 10½ часовъ прибыть на мѣсто, а въ 11 вступить на линію, полку же нашему отъ Тверской заставы до Тверской площади назначено ходу въ ½ часа.

Въ 9 часовъ Государь проѣхалъ изъ Петровскаго дворца въ Москву, народъ привѣтствовалъ его крикомъ ура! Солдатъ тотчасъ убрали во дворъ, офицеры были за воротами. Государь, ѣхавши мимо, очень внимательно смотрѣлъ на насъ, приложа къ шляпѣ руку. Послѣ его проѣзда тотчасъ же насъ повели въ Москву. (Знамена стояли въ Петровскомъ дворцѣ). Мы пришли на Тверскую площадь и построились въ густыя колонны, по два баталіона. Въ 10½ часовъ насъ повели на мѣста; нашъ баталіонъ стоялъ отъ гостинницы Европы, что̀ противу главнокомандующаго, и далѣе къ Воскресенскимъ воротамъ.

Вдругъ закричали «смирно, слушай, на краулъ»; музыка заиграла походъ. Смотримъ, несется съ лѣваго фланга на тройкѣ курьерскихъ офицеръ въ шинели съ бѣлымъ перомъ. Его приняли за Михаила Павловича, а это былъ курьеръ. Народъ кричалъ ура! и кланялся, снявши шапки.

Вскорѣ показался Государь, ѣхалъ къ заставѣ изъ Кремля, здоровался съ войсками. Съ какимъ восторгомъ встрѣчали его солдаты: музыка, ура, огласили воздухъ. Государь, что̀ далѣе, то дѣлается величественнѣе; чудо, что̀ за мужчина! Какъ онъ величественно и съ тѣмъ вмѣстѣ съ какою добротою смотритъ на солдатъ!

Около 11 часовъ, по первому выстрѣлу, данному конною артиллеріею на площадкѣ Срѣтенскаго *) монастыря и колокольному звону, данъ знать въѣздъ Цесаревича. Артиллерія продолжала стрѣлять до тѣхъ поръ, пока коляска не приблизилась къ ней; остановилась, пока проѣхали, и опять продолжала стрѣлять; наконецъ, церемонія приблизилась къ нашему полку. Коляска запряжена четверкою бѣлыхъ лошадей, въ ней сидѣла на главномъ мѣстѣ Цесаревна, противу нея штатсъ-дама и, кажется, фрейлина, я не могъ замѣтить хорошо. Цесаревна была одѣта въ бѣломъ атласномъ платьѣ, и превосходная на головѣ шляпка. Государь ѣхалъ по правую сторону, а Наслѣдникъ по лѣвую сторону, верхами. Коляска ѣхала ближе къ войскамъ. Наслѣдникъ заскакалъ впередъ, не доѣзжая нашего полка, и сталъ на правомъ флангѣ. Цесаевна кланялась народу и войскамъ; поровнявшись со мною, она поклонилась войскамъ, слѣдовательно мое любопытство было вполнѣ удовлетворено: я увидѣлъ ее, какъ говорится, лицомъ къ лицу. Она мнѣ показалась такимъ миленькимъ существомъ; какіе умные глаза, сколько въ нихъ добра и ума, лицо чрезвычайно привлекательно; не знаю, вѣрно ли я написалъ, но какъ я могъ ее увидѣть въ какую-нибудь минуту, какъ она ѣхала мимо? Болѣе я ничего не видѣлъ, даже не замѣтилъ, какова штатсъ-дама, и Государя видѣлъ издали. Съ какою-то радостію пришли мы домой!

*

15 Маія. Четвергъ.

Поутру сначала назначили ученіе на баталіонныхъ дворахъ, наконецъ часу въ 6-мъ ударили сборъ, и приказано вести на Ходынку къ линейному ученію. Нашъ баталіонъ пришелъ, когда уже давно началось ученіе; медленность произошла отъ того, что проспалъ Вефель, не отдалъ приказанія въ роты. Въ 9 часовъ кончилось ученіе, и намъ приказано тотчасъ ѣхать въ разводъ, гдѣ будутъ представляться Наслѣднику. Къ 12 часамъ, или за нѣсколько минутъ до пріѣзда Императора, собрались нашего полка офицеры. Государь и Наслѣдникъ были въ казачьихъ платьяхъ. Послѣ развода всѣхъ полковъ штабъ-офицеры, и нашихъ двухъ его высочества оберъ-офицеры, собрались въ Чудовъ монастырь, откуда пошли на половину Наслѣдника представляться. Цесаревна удостоивала всѣхъ цѣловать руку, которую подавала сама. Она стояла у окна, а Наслѣдникъ по правую ея сторону; направо противу ихъ Нейдгартъ, а представляющіеся по одному въ рядъ. Цесаревна была одѣта въ малиновомъ бархатномъ Русскомъ платьѣ съ золотой отдѣлкой, повойникъ бѣлый усыпанъ брилліантами. Позади ея

*) Страстнаго. П. Б.

у дверей стояла штатсъ-дама, по лѣвую сторону дверей фрейлина, очень миленькая. Въ этотъ разъ я, кажется, болѣе разсмотрѣлъ Ея Высочество. Она точно имѣетъ очень много привлекательнаго въ лицѣ; глаза, какъ кажется, темнокаріе или даже черные, ручка чудо хороша. Но вчера она была авантажнѣе въ шляпкѣ, нежели въ повойникѣ.

*

17 Маія. Суббота.

14 числа Государь проѣзжалъ изъ Петровскаго дворца въ Кремль, не поѣхалъ по Тверской, а своротилъ влѣво и какъ разъ наткнулся на два баталіона Тульскаго егерскаго полка, которые шли въ безпорядкѣ и его не узнали. Полковника Юрьева съ двумя баталіонными командирами посадилъ на Ивановскую гауптвахту.

*

18 Маія. Воскресеніе.

Вечеромъ ѣздилъ въ Москву на иллюминацію. Исключая дома главнокомандующаго и Воскресенскихъ вороть, очень дурно было освѣщено. Кремлевскій садъ и темно и гадко; въ экипажахъ ѣздило очень много; Государь съ невѣсткою, сыномъ и гросъ-герцогомъ проѣхалъ два раза мимо сада. Въ первый разъ до того народъ стѣснилъ экипажъ, что Государь просилъ ихъ посторониться, но Русаки чуть не на себѣ везли.

*

19 Маія. Понѣдельникъ.

Въ 6 часовъ полкъ собранъ былъ въ Всесвятскую рощу, въ 9 часовъ повелп на Ходынское поле. Только что мы пришли на мѣсто, Государь пріѣхалъ въ Петровскій дворецъ. Въ 10 часовъ Государь прибылъ къ войскамъ, построеннымъ въ 1-й линіи мушкатеры, во 2-й егеря, въ 3-й кавалерія, въ 4-й артиллерія. Во фронтѣ было пѣхоты 17 и 18 дивизіи кавалерія, послѣ е. в. драгунскій, гросъ-герцога гусарскій, два эскадрона сводныхъ караульныхъ, конной артилеріи двѣ батареи, пѣшей двѣ батареи. Государь, объѣхавъ полки, выѣхалъ предъ средину, поблагодарилъ людей, что хорошо стоятъ. Когда подъѣзжалъ къ нашему полку Государь, то Наслѣдникъ подъѣхалъ, сталъ предъ срединой полка, сказалъ «слушай моей команды» и звонкимъ голосомъ скомандовалъ «слушай на караулъ». Когда онъ подъѣзжалъ къ полку, то слышно было невольное солдатское восклицаніе: «Вонъ нашъ батюшка къ намъ ѣдетъ». Не знаю, какъ другіе, думаю и всѣ; но нашъ баталіонъ хватилъ молодецки «на караулъ», да и какъ было не сдѣлать, когда командовалъ сынъ Царя?

Лишь только поблагодарилъ Царь, тотчасъ началъ командовать: перемѣн. дирекціи, строй дивизіоны. Команда шла одна за одной; дѣлали быстро, выстроивши дивизіоны, сняли ранцы, но почти чрезъ 5 минутъ надѣли снова и начали церемоніалъ. Шли 17 и 18 дивизіи, рекруты обѣихъ дивизій, драгуны пѣшимъ строемъ, артиллерія, потомъ кавалерія, тѣже драгуны верхами, гусары, конная артиллерія. Когда прошли два баталіона нашего полка, Государь подозвалъ Шопертa, сказалъ, «Шопертъ! хорошо, очень хорошо!» Когда же полкъ прошелъ, сказалъ: «Спасибо, Шопертъ; не ожидалъ такъ хорошо. Полкъ достоинъ названія своего шефа». Полкъ прошелъ полковой колонной; первымъ взводамъ Государь сказалъ: «хорошо, ребята», потомъ половинѣ скомандовалъ «ружье вольно», и опять похвалилъ. Тарутинскому же полку скомандовалъ «на руку», и они закричали ура; имъ махали, а они сильнѣе кричали ура. Но Государь ничего не сказалъ. Когда прошла вся пѣхота, онъ потребовалъ всѣхъ полковыхъ и баталіонныхъ командировъ со словами: «Господа, благодарю васъ, сверхъ ожиданія прекрасно. Я взялъ на выдержку 17 дивизію, и она съ похода прямо; очень хорошо, видно много старанія. Впрочемъ, я человѣкъ, не люблю старое помянуть; но полковникъ Юрьевъ, пожалуйте сюда: у васъ я нашелъ безпорядокъ въ двухъ баталіонахъ, чего я никогда нигдѣ не видалъ; надѣюсь, что я видѣлъ и буду видѣть подобный безпорядокъ въ послѣдній и въ первый разъ. Полкъ вашъ показался очень хорошъ. Чтобы показать ординарцевъ, дать разводъ. Парадъ я считаю за ничто, это въ моихъ глазахъ ничего не значитъ; но порядокъ внутренній за глазами, порядокъ—вотъ чего я требую; въ противномъ случаѣ полковому командиру полкъ откажу, въ солдаты разжалую; я надѣюсь, не встрѣчу. Впрочемъ, нынче хорошо, очень хорошо, я очень доволенъ».

Завтра линейное ученіе. Каковъ-то будетъ послѣдній смотръ? Если и этотъ удастся, будетъ очень хорошо.

*

20 Маія. Вторникъ.

Въ 6 часовъ мы собрались во Всесвятской рощѣ у питейнаго дома. Въ 10 Государь пріѣхалъ къ войскамъ, взялъ драгунъ и повелъ на Ходынское поле; вскорѣ открылась кононада орудій, потребовали насъ. Мы вышли съ пѣшею артиллеріею, построились въ боевой порядокъ и пошли къ Ваганьковскому кладбищу. На нашемъ флангѣ была ужасная суматоха, потому что первая бригада пошла вправо въ обходъ и смѣшалась съ нами; хорошо, что Государь не видалъ. Подъ Ваганьковскимъ кладбищемъ построилъ къ атакѣ въ колонны, соединилъ

всѣ четыре колонны, и въ когортѣ проходили церемоніаломъ. Государь такъ занялъ мѣсто, что, пройдя 10 шаговъ, нужно идти черезъ ровъ. Послѣ Государь собралъ полковыхъ командировъ и сказалъ, что было очень хорошо, очень доволенъ. Были также ошибки, но онѣ ничтожны, а именно въ Тарутинскомъ полку застрѣльщики вялы, и зѣвалъ 4-й баталіонъ, а въ его высочества полку зѣвалъ 2-й баталіонъ. «Впрочемъ, спасибо». Шоперту присылалъ сказать благодарность, что хорошо велъ линію. Въ ночь Государь уѣдетъ.

*

21 Маія. Среда.

Нынчѣ Наслѣдникъ смотрѣлъ его высочества драгунскій, и кажется штабъ и оберъ-офицеры обѣдали у него. Балъ былъ у Небольсина.

*

Іюня 1. Воскресеніе.

Привѣтствую тебя, Ходынка, привѣтствую васъ, великолѣпный видъ Москвы, Петровскій дворецъ. О, вы будете товарищами мнѣ; я снова къ вамъ привыкну, какъ привыкалъ въ прошлые годы, бывши въ лагерѣ,—въ лагерѣ! Ухъ! нынче въ 8 часовъ мы вступили въ лагерь. Господи, это солдатскій муравейникъ! Взгляните на этихъ машинъ-людей, на этихъ Русскихъ солдатъ; смотрите, они копошутся какъ муравьи, идутъ въ лагерь, выходятъ, переходятъ другъ другу дорогу, несутъ, везутъ, волокутъ, и все это въ свое гнѣздо, въ свою палатку. Это еще устраиваются. Странно, право, откуда что̀ возмется у солдатъ! Пришелъ въ чистое поле съ двумя полами палатки; земля, дернъ, вотъ что онъ встрѣчаетъ въ лагерѣ, а къ вечеру у него уже и полочка, у другого и кровать устроены; уже и амуниція, товарищъ его неразлучный, убаюкана, чопорно уложена на полкахъ, и онъ, какъ любовникъ страстный у ногъ своей любезной, во прахѣ лежитъ и даетъ ей серенаду своимъ богатырскимъ храпкомъ. Да и точно во прахѣ,—его тѣло тутъ, а душа его бодрствуетъ. Говорятъ, когда человѣкъ спитъ, душа его летаетъ на просторѣ, и будто бы оттого мы видимъ сны, и признано, когда человѣкъ крѣпче спитъ, то видитъ разнообразнѣе и сильнѣе сны. А кто же можетъ спать крѣпче, сильнѣе, могучѣе, какъ не солдатъ, пробывши сутки на ногахъ и въ работѣ? Душа его бодрствуетъ непремѣнно; онъ и во снѣ-то снаряжается въ парадъ, непремѣнно чиститъ амуницію, маршируетъ, стоитъ на часахъ; а ротной командиръ, фельдфебель, неугомонной ефрейторъ—непремѣнныя дѣйствующія лица его сна. А какъ, должно быть, восхитителенъ сонъ, когда увидитъ свою родную избушку; а пригрѣтому съ боковъ товарищами, если еще пригрезится, что онъ лежитъ въ этой

избушкѣ на печи...—о! что это за сонъ, и какое воспоминаніе! Нѣтъ, передать нельзя этого наслажденія солдата; мы не можемъ такъ ощущать радость. Послѣ такого сна ничтожна радость властолюбиваго вельможи, если онъ видитъ себя въ славѣ, въ почестяхъ, богатствѣ; ничтожна радость бѣдняка, который имѣетъ во снѣ въ рукахъ тысячи; ничтожно и твое восхищеніе, красавица, если тебѣ пригрезится, что ты на блестящемъ балѣ одѣта по послѣдней модѣ, съ отличнымъ вкусомъ, если всѣхъ глаза устремлены на тебя, если ты прочтешь во взорахъ женщинъ и подругъ твоихъ зависть, если будетъ все только тобой занято, словомъ, если ты будешь царицей бала: то и тогда не сравняется твой сонъ со сномъ солдата въ родной избушкѣ и на печи, и если еще ему сигналъ часоваго или храпѣніе товарища представляются за мычаніе какого-нибудь бураго теленка, за которымъ ухаживаетъ его родимая, жена иль бабушка, о! что ваши сны!

Я однажды слышалъ, какъ говорилъ солдатъ солдату свой сонъ послѣ получасового привала ночью, какъ мы занимали Пшебскія [1]) высоты за рѣкою Кубанью. Вотъ какъ это случилось. Съ вечера мы выступили и ночью пробирались до Пшебскихъ высотъ; лѣсъ, овраги, завалы насъ останавливали, такъ что подвинемся шаговъ сто и стоимъ минуты три, пока авангардъ очиститъ дорогу. Какъ-то вышло, что почти или болѣе получаса мы стояли; слѣдовательно солдаты и мы успѣли всхрапнуть. Насъ подняли, тронулись; я еще порядочно не проснулся, какъ уже ноги машинально шли. Слышу двоихъ солдатъ, рядомъ со мной шедшихъ (это было въ цѣпи), разговаривающихъ: «Что, братъ Чикинъ, какой Господь далъ сонъ сейчасъ видѣть! Ну, слышь ты, такъ пида теперь съ радости сердце бьется. Во, только я свалился, заснулъ, вижу, наша корова отелилась телушкою; вотъ я словно еще въ мужикахъ, и принесъ въ избу телушку-то; матушка прядетъ, а хозяйка у образовъ затеплила свѣчу, да и несетъ мнѣ бѣлую рубаху, дескать надѣнь, говоритъ, нынѣ Суббота; а я не то что мужикъ, не то что въ отпуску. Господи, твоя воля, такъ радостно стало; думаю, какъ же я дома, вѣдь мы подъ Черкесомъ? А батюшка покойникъ на печи лежитъ. Господи, подумалъ я, матушка живехонька, да и все такъ же въ избѣ, и ребятишки, ну и котная [2]) овца; словно какъ теперь вижу». —«Чтожъ рубаху-то надѣлъ?» спросилъ Чикинъ.—«Нѣтъ, а я взялъ изъ рукъ, а теленка хозяйкѣ отдалъ. Коли бъ хоть Богъ далъ побольше видѣть такіе сны; не удалось въ отпуску быть въ 13 лѣтъ, выпуститъ ли Господь?»—«Смотри, братъ, сказалъ третій солдатъ, не родила ль

[1]) Шехескія. П. Ш.

[2]) Т. е. которая должна принести ягненка. П. Б.

хозяйка твоя телушку; а свѣча и бѣлая рубаха нехорошо, смотри, чтобъ не убили». — «Чтожъ убьютъ, такъ убьютъ: теперь такъ радостно, какъ будто грѣхи всѣ отдалъ».

Этотъ разсказъ до сихъ поръ я помню; но по вѣтренности я не позаботился узнать, остался ли живъ или напророчилъ смерть разсказчику его товарищъ.

Не знаю, какой-то будетъ лагерь; для насъ начало лѣта недурно. Государь доволенъ; говорятъ, онъ будетъ въ Августѣ. Нынче бригадной командиръ былъ въ лагерѣ съ дивизіоннымъ начальникомъ. Бригадный командиръ сказалъ мнѣ: «Ну, Гладиловъ, я не забылъ, что лишилъ тебя въ Бородинѣ часовъ, теперь представилъ къ ордену; я думаю, пріятнѣе получить на грудь, нежели въ карманъ». Полковникъ прибавилъ, что я слишкомъ мало былъ награжденъ подъ Бородинымъ, тогда какъ моихъ товарищей произвели чрезъ мѣсяцъ. Я благодарилъ его. Казариновъ и Пшецлавскій ужасно возстали противу меня; говорятъ, что напрасно меня представили. Богъ съ ними, пусть ихъ ершатся, а я все-таки буду жить какъ жилъ; говорятъ, что я много кланялся Шоперту; совѣсть моя чиста, я покоенъ.

*

25 Іюля. Пятница.

Нынче играютъ Гамлета, я не видалъ никогда, хотя и знаю его чуть не наизусть. Заѣхалъ изъ лавокъ въ Московскій узнать, кто играетъ Гамлета: Мочаловъ, Офелію—Орлова*). Что сказать объ игрѣ? Мочаловъ былъ очень хорошъ временами, а болѣе неглижировалъ. Правда, мало было публики. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ былъ отлично хорошъ. Офелія, эта милушка Орлова, до того неглижировала, что смѣялась на сценѣ; но какъ она была дѣйствительна, какъ хорошо была горда и вмѣстѣ съ тѣмъ еще любила, когда возвращала Гамлету подарки. Какъ чудесно разыграла безумную и пропѣла всѣ свои пѣсни,—признаюсь невольно слезы навертывались на глазахъ и какая-то дрожь была въ тѣлѣ; а какъ хороша въ соломенномъ вѣнкѣ съ корзиночкою, что за глаза—чудо! Да, она послѣднія сцены играла такъ, какъ лебедь пѣлъ послѣднюю пѣснь. А что за музыка, прелесть! Правда, Мочаловъ игралъ чудесно, но какъ-то я съ нимъ не согласовался: онъ мнѣ казался иногда черезчуръ приторнымъ, и кажется позволялъ себѣ излишнюю и утомительную для зрителя мимику; иногда онъ, кажется, что-то слишкомъ жалостно говорилъ, напримѣръ Офеліи: «Бѣги людей» такъ было сказано, какъ будто бы ханжа говорила,

*) Прасковья Ивановна, позднѣе Савина. См. ея автобіографію въ „Русскомъ Архивѣ“ 1899 г., II, 142.

одинъ звукъ, не было ударенія въ словахъ, такъ чтобы они коснулись души зрителя.

*

20 Сентября. Суббота.

Въ Четвергъ былъ въ театрѣ, видѣлъ «Морского разбойника»—балетъ ужасно утомительный, впрочемъ декораціи чудесныя, а въ особенности, пожаръ и разрушеніе замка.

*

20 Октября. Понедѣльникъ.

Взялъ билетъ въ театръ. Давали «Каспаръ-Фонъ-Гаузенъ» (кажется, такъ), драма въ 4 дѣйствіяхъ. Игра Самарина чудесная, но не натуральная по роли. Комедія водевиль «Отъ хорошаго хорошаго не ищутъ» чудо хорошо, былъ исполненъ весь; гдѣ играетъ Щепкинъ, тамъ все идетъ хорошо. Въ первый разъ видѣлъ актрису Степанову, очень недурна мѣстами порядочно. «Именины секретаря»—глупый фарсъ, гдѣ слишкомъ дерзкіе куплеты на купцовъ.

Съ Кондратовымъ и Рамихомъ заѣхали въ Московскій. Тамъ былъ Ленскій, мы съ нимъ много говорили о пьесѣ «Каспаръ»; онъ говорилъ какъ строгій критикъ; во многихъ мѣстахъ пьесы я замѣтилъ отступленіе отъ правила драматургіи, онъ былъ согласенъ. Говорилъ очень хорошо и пьетъ очень порядочно.

*

31-е Октября. Пятница.

Зима! Зима! Вотъ уже другой день какъ снѣгъ лежитъ и уже, говорятъ, ѣздятъ на саняхъ; явились Ваньки. Люблю я зиму, эти наши каникулы, нашъ отдыхъ. А сколько воспоминаній при первомъ снѣгѣ! Та зима была весела; по первому снѣгу я поѣхалъ туда-то и катался съ той-то, по первому снѣгу ѣхалъ на балъ, увидѣлъ ту-то и..... Боже мой, сколько представляется прошедшихъ удовольствій! Сколько воспоминаній! Наша жизнь есть зимою. А что лѣто? Мы не существуемъ, мы теряемъ даже всякое чувство къ лѣтней природѣ; на насъ не дѣлаетъ сильнаго вліянія, не остается въ памяти превосходное мѣстоположеніе, прелестная лѣтняя ночь, съ пѣніемъ соловья, съ чирканьемъ полевыхъ сверчковъ, съ тишиною, съ ароматами ночи, какъ говорятъ праздные жители деревень. Намъ некогда романтизировать: подай намъ постель, скорѣй, скорѣй трубку, истомленный ложусь и засыпаю, докуривая трубку. А душа болитъ, завтра охъ! Завтра въ 3 часа вставать на ученіе, послѣ завтра смотръ, тамъ въ караулъ за 25 верстъ—пріятный сонъ, покойна душа! Заснешь, и сонъ-

то тревожный о завтрашнемъ, и несчастныхъ 3 или 4 часа спишь кой-какъ по совиному. Нѣтъ, не люблю лѣта, этого рабочаго времени крестьянину и солдату. Зима! Зима! Съ чѣмъ можетъ сравниться? Удалая тройка, летишь вечеркомъ въ пріятный домъ, тамъ ждутъ тебя, да непремѣнно ждутъ. Прозябъ, входишь, тамъ видишь за самоваромъ привѣтную хозяйку или хозяина, кругъ ихъ милаго семейства, цвѣтники красавицъ, не озябъ ли, не ознобился ли; бранятъ, зачѣмъ пріѣхалъ въ такой холодъ, а между тѣмъ рады. О, непремѣнно рады. Я всегда воображаю мою покойную мать; она также принимала сосѣдей постояльцевъ. Я воображаю себя въ своемъ семействѣ, душа радуется; оставляютъ ночевать, или ѣду обратно съ покойными мыслями, съ убаюканною душою и часто съ очарованнымъ сердцемъ; засыпаешь согрѣвшись, покойно, нетревожнымъ сномъ, и какіе сны? Боже мой, зимы, зимы! Вечеръ, въ деревнѣ скучно, въ городѣ собраніе. Бубенчики звенятъ, лошадей подаютъ—выходишь, ухъ! Морозомъ обдало лицо, а луна такъ славно свѣтитъ, пошелъ, и закатился—20 верстъ промчался, не видалъ. Вотъ я уже въ городѣ, вотъ на балу, вотъ кадриль, другой, очаровательный вальсъ, не успѣешь одуматься, вотъ и мазурка, терзаніе, я еще ей ничего не сказалъ, тогда какъ въ продолженіе 5 часовъ говорилъ и все не досказалъ. Вотъ мазурка кончается, а я еще не договорилъ—до слѣдующаго балу—прощайте, которой кадриль въ слѣдующій балъ? Мазурку непремѣнно! Смотрите жъ пріѣзжайте! Э! упросите маменьку. Распаленный, разгоряченный, весь въ поту, бѣжишь къ подъѣзду, сажаешь въ возокъ, какъ водится прежде маменьку. Ахъ! Боже мой, что вы въ одномъ мундирѣ, съ открытой головой, говоритъ маменька, когда лѣзетъ въ возокъ, а когда сядетъ, заговоритъ другое. Уйдите, ради Бога уйдите, пожалуй простудитесь. Это значитъ, что сажаешь тетушекъ, кузинъ или дочку. Нѣтъ, шалишь, развѣ чтобы тебя посадить я мерзну, стрѣляй въ меня хоть съ Шевардинской батареи, ни съ мѣста, а какая награда. А какой вдругъ шопотъ, почти на ухо, пріѣзжайте завтра или... Но я скроменъ, всего никогда не скажу. Онѣ уѣхали, стрѣлой летишь по лѣстницѣ въ залъ, и опять вальсъ, и опять танцы, и опять провожаешь, и все-таки здоровъ, и все-таки веселъ. А обратный путь въ деревню. О! несите кони, летите скорѣй, я спать хочу, и завтра на свиданье... Зима! Зима! Но какова-то будетъ нынѣшняго года зима? Мы проведемъ ее въ Москвѣ и лучшіе мѣсяцы въ деревнѣ на отдыхѣ. Нѣтъ, не думаю, чтобы было весело. Нѣтъ, не возвратится зима 1840 года. Теперь, пока замерла душа, теперь мы на службѣ, не нужно пробуждать пріятнаго: нужно твердо скучать.

*

31 Декабря.

Къ 3 часамъ съ Кондратьевымъ поѣхалъ въ Нѣмецкое собраніе. На лѣстницу мы еще вошли свободно, но уже дальше, мы должны проталкиваться: ужасная давка, крикъ, кое-какъ прошли въ залы. Вездѣ одѣваются для разъѣзду, намъ было некуда положить шинелей; но Кондратьевъ нашелъ знакомаго швейцара, и тотъ едва согласился взять на нѣсколько минутъ; входимъ въ залу—народу еще множество, такъ что трудно пройти, танцуютъ вальсъ, жара несносная, табачной дымъ столбомъ, дамы растрепаны, кавалеры пьяны, въ столовой играетъ музыка Германа, и какой-то пьяный баринъ выставилъ двѣ дюжины Шампанскаго поить музыкантовъ. Кондратьевъ нашелъ свою Евгенію и съ нею ходя продержалъ до 5 часовъ. Изъ жаркой залы мы вышли въ холодныя комнаты, долго не могли добиться шинелей, и меня ужасно охватывало холодомъ; я боялся заболѣть, и это нѣсколько исполнилось; домой пріѣхалъ около 6 часовъ. Итакъ, я встрѣтилъ Новый годъ, невесело, но довольно пріятно; гораздо пріятнѣе прошлаго года. Прощай, мой старый знакомый! Ты много доставилъ мнѣ пріятнѣйшихъ минутъ въ продолженіе 365 дней; правда, много и тяжкихъ, скучныхъ, нельзя же винить: жизнь наша должна быть «горькое съ сладкимъ». Это удѣлъ человѣка, но результатъ: болѣе пріятнаго было, нежели тяжелаго. Давай пробужу воспоминанія: состояніе моего сердца въ Новый годъ, далѣе—жизнь въ Ярославской губерніи, масляница, о незабвенная масляница! Прощай, старый пріятель! Ты былъ изъ лучшихъ своихъ товарищей; прощай, ты канулъ въ вѣчность, тебя не будетъ, ты невозвратимъ, и тебя забудутъ, можетъ быть. Кто былъ несчастливъ, тотъ вспомнитъ; а я, какъ человѣкъ, живу и долженъ, можетъ быть, встрѣчать многихъ твоихъ товарищей, или такъ же кану въ вѣчность, какъ и ты, также не возвращусь сюда, также и меня забудутъ. Скучно, грустно! Почему же грустно? Развѣ здѣсь лучше? Развѣ тамъ хуже? Да.

Ахъ! Дайте жизнію дышать:
Еще мнѣ рано умирать.

*

(Изъ восьмой части Щукинскаго Сборника).